

ОТКЛИКИ УЧАСТНИКОВ КОНГРЕССА

Е. БАРТМИНСКИЙ
(Польша)

В первую очередь, я хотел бы еще раз поблагодарить организаторов Конгресса — от собственного имени и от имени моей жены Станиславы Небжеговской-Бартмиńskiej — за приглашение участвовать в Конгрессе! Огромное спасибо, что оказали нам такую честь! Мы восприняли это индивидуальное приглашение как жест, адресованный также более широким польским научным кругам, к которым мы принадлежим. С радостью отмечаем, что польско-русское сотрудничество в области фольклористики и этнолингвистики развивается очень успешно и что люблинская школа играет в этом свою скромную роль.

Авторы, объединенные вокруг люблинского — а в последние годы уже международного — ежегодника *Этнолингвистика*, поддерживают особые связи с отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, со многими российскими исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов.

Разрешите мне кратко поделиться личными впечатлениями.

В независимой с недавних пор Польше, когда нам предоставлена большая свобода путешествий по Европе и западному миру, мы всё больше ценим людей с Востока, ценим русскую отзывчивость и духовность, а также русское (как говаривал знаменитый польский русист Анджей Дравич) «человекознание». В Польше по сей день высоко ценится семиотическая московско-тартуская школа во главе с Ивановым, Топоровым и Лотманом, а также русские исследования в области славянской народной традиции, о высоком уровне которых свидетельствует впечатляющий словарь «Славянские древности», созданный коллективом под руководством Никиты Ильича и Светланы Михайловны Толстых.

С большим удовольствием могу добавить, что русско-польские связи стали более интенсивными после образования в 2003 г. Этнолингвистической комиссии при Международном комитете славистов. В ее рамках развиваются исследования как традиционной, так и современной культуры славян в духе формулы «живая старина», которая указывает на посто-

янную значимость наследия прошлого в современном мире.

Я хотел бы еще сказать несколько слов о том, что объединяет польских и русских этнолингвистов.

Во-первых, тематика исследований — народная культура и ее духовность, верования, мировосприятие и отношение к человеку, а также убеждение, что на уровне народной культуры у славян **больше** общего, чем на уровне общенациональной культуры, которая сильнее «погружена» в идеологию.

Нас объединяет, во-вторых, синтетическая трактовка диалектологических, фольклористических и этнографических свидетельств — слов, текстов, обычаев и верований, — а также трактовка языка и культуры, языковедения и культурологии в категориях изоморфизма.

Далее — способ представлять результаты исследования в виде этнолингвистических словарей: знаменитые московские *Славянские древности* и люблинский *Словарь стереотипов и народных символов*. Это словари нового типа, представляющие собой культурно-языковой синтез народных знаний о мире.

Нас объединяют также методы полевых исследований и внимание к региональным различиям.

Общим для нас является и опыт вовлечения в научную работу молодых людей, студентов и аспирантов. Мы убеждены, что без участия молодого поколения даже самая яркая и прочная традиция не имеет шансов сохраняться и продолжаться.

Важнейшим во всем этом является антропологический подход к предмету исследований. Предметом для нас является человек как пользователь языка и носитель определенного типа культуры и менталитета. А язык и культура — это две необходимые опоры, служащие человеку и образующие его личность — как индивидуальную, так и коллективную.

Для меня как исследователя чрезвычайно важно, какое место занимает фольклористика в научной парадигме, как она соотносится с другими дисциплинами?

Русская фольклористика как дисциплина хорошо определена с точки зрения теории предмета и методов; эта дисциплина дорожит своей автономией. Но мы знаем также, что современная наука развивается наиболее интенсивно на ее границах, становится междисциплинарной. Мы помним, что Никита Ильич Толстой допускал более узкое и более широкое понимание

этнолингвистики. И это более широкое понимание он связывал именно с междисциплинарным подходом. Я считаю, что у фольклористики, диалектологии и этнографии как наук о «людях» есть шансы творчески сотрудничать в рамках более широкого междисциплинарного антропологического подхода. И состоявшийся Второй конгресс показал, что это возможно.

Что касается центральной проблемы места фольклора в современном обществе техники и глобализации, то я вижу совпадение темы Второго всероссийского конгресса фольклористов с принятой в октябре 2003 г. программой ЮНЕСКО по охране традиционной народной культуры, которая в условиях глобализации находится под угрозой исчезновения. В ней так определена главная цель: «Обеспечение жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия».

Необходимое условие этого — «уравновешенное развитие» обществ, раздираемых противоречиями между «своей» народной традицией и давлением «современности», между культурой местной и культурой глобальной.

Признаюсь, что как поляк и гражданин государства, в котором фольклористика такого высокого статуса еще не приобрела, отчасти этому масштабу вашей деятельности завидую. В Польше только в этом году началась дискуссия по вопросу осуществления этих рекомендаций на практике. Российские фольклористы уже эту программу осуществляют! Поздравляю и организаторов прошедшего Конгресса, и его участников с масштабом действий, направленных к этой цели!

Т. Б. ДИАНОВА (Россия)

Главным итогом прошедшего Конгресса стало то, что диалог внутри нашего небольшого профессионального сообщества состоялся, стал доверительнее и содержательней, причем этот диалог был, кажется, более конструктивным и интересованным, нежели четыре года назад, на Первом Конгрессе, остром и эмоци-

ональном. Причина этого заключается, на мой взгляд, в современном состоянии науки, прошедшей период сознательного разграничения направлений, некоторой самоизоляции школ, достигшей определенного **status quo** в признании собственных и чужих достоинств и недостатков, и сознательно стремящейся к поиску точек соприкосновения. Показателен был в этом смысле целый ряд неожиданно традиционно фольклористических тем, с которыми выступили, например, польские этнолингвисты. Ст. Небжеговска-Бартминьска, представившая классификацию фольклорных жанров с позиций системы ценностей, и проф. Е. Бартминьский, блестяще просто и интригующе рассказавший о системе изменений песни в результате деконтекстуализации (или контекстного сдвига). Из целого ряда докладов российских фольклористов также вычленился неподдельный интерес к той и другой проблематике, что свидетельствует о сближении интересов и общих тенденциях в современной науке. Некоторые неожиданные совпадения позиций (например, в выступлениях проф. В. П. Аникина и Г. А. Левинтона) демонстрировали невиданный ранее объединительный потенциал внутри нашего сообщества.

Из того небольшого числа докладов, которые мне удалось (при всем рвении и энтузиазме) посетить на Конгрессе, можно, обобщая, сделать выводы как о научном, так и научно-организационном положении дел в современной фольклористике. Некоторые из этих выводов можно было предсказать, часть стала для меня неожиданной. Так, закономерен все нарастающий интерес ко всем формам соотношения индивидуального и коллективного в традиции (доклад Т. И. Калужниковой, совместный проект А. Н. Власова и Е. А. Дороховой, обстоятельное выступление И. М. Нуриевой), на редкость интересные открытия произошли в области полевой фольклористики и этномузыкологии (ничем не объяснимо отсутствие отдельной секции, которая могла стать по-настоящему междисциплинарной). Несколько «просело» количество и качество докладов, связанных с изучением поэтики традиционного фольклора, но те, что были сделаны, свидетельствуют о приближении новой волны интереса к этой проблематике. Традиционно сильны были фольклорно-этнографическая и